

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ РОССИЯ

Социологическая одиссея в Сыктывкаре: очень субъективные заметки

В.И. ИЛЬИН

Вместо введения: к вопросу о жанре заметок

Я не историк социологии, и данный очерк представляет собой субъективный взгляд на одну из периферийных страниц отечественной социологии. В выражении «субъективный взгляд» содержится очевидная тавтология: каким еще может быть взгляд живого человека? Однако широкая распространенность методологически странной формулировки «объективный взгляд» дает мне основание попытаться отмежеваться от этого позитивистского романтизма. Исследователь описывает социальные процессы и события, увиденные с той колокольни, которая оказалась ему доступной, и перерабатывает их с помощью своего мозга-компьютера, загруженного специфическим «программным обеспечением» и базами данных, сформированными собственным жизненным опытом. Другой человек, взглянув на те же процессы, протекавшие в Сыктывкаре, с другой колокольни и с помощью иного инструментария, может дать иную картину, не заметив в ней меня, как я не заметил его. Такая «слепота» в истории науки часто является плохо скрываемым следствием конфликтов между пишущим и сознательно незамеченным потенциальным объектом. Поскольку никаких конфликтов с коллегами я не припомню, то неизбежные пробелы в моем описании можно объяснить лишь жанровыми особенностями данного очерка, представляющего собой набор размышлений мемуарного характера.

Такой подход, конечно, противоречит научной мифологии XX в., но что делать? Объект исследования отражается в текстах, будучи неизбежно искаженным авторской позицией, даже если автор пишет вместо «я» «мы» или стремится использовать безличные обороты. Мы смотрим на мир через призму своих культурных ресурсов и опыта. В результате объективный мир вторгается в нашу жизнь как набор различных, часто конкурирующих частных интерпретаций.

Словесное описание прошлого или настоящего может идти только в понятиях и категориях, усвоенных автором в процессе его жизни, ключевой частью которой является профессиональная деятельность. И тут часто возникает феномен, который можно назвать, профессиональным социологическим кретинизмом — неспособностью даже на минуту вырваться за пределы логики своей

Социологическая одиссея в Сыктывкаре: очень субъективные заметки

науки и за границы ее категориальной сетки. В массиве частных фактов из жизни весьма глубокой провинции, прорисовывается сугубо теоретический предмет: взаимосвязь индивидов, выстраивающих свою жизнь, и элементов социальной структуры, которые не только формируют рамки биографических проектов, но и порождаются конкретными индивидами, а также исчезают вместе с ними.

Профессиональная социализация

Учеба на историческом факультете Ленинградского университета медленно, но неуклонно подводила меня к мысли, что мои мозги неадекватны требованиям современной исторической науки. Чем больше мне в голову вбивали исторических фактов, тем больше я их забывал, попутно понимая, что немыслимо огромная их часть мне никогда не встретится. Параллельно в голове зрели сомнения в наличии смысла в накоплении и описании фактов, которые якобы говорят сами за себя. Стремление понять логику бесчисленных событий и процессов толкало меня в сторону теоретических дисциплин. Я пытался найти ключи на философском факультете. Но марксистско-ленинская философия уносила в такие высоты, с которых земной мир становился неузнаваемым. Я искал в расписании слово «социология», но находил лишь разнообразные варианты теологии, называвшейся странным словом «научный коммунизм». Правда, встречались студенты, которые незадолго до этого слушали лекции по методике социологического исследования В.А. Ядова.

В конце концов, мои наивные поиски привели меня в отделы специального хранения публичной и университетской библиотек. Здесь я обнаружил залежи западных книг и журналов, которые держались подальше от глаз простых советских граждан. И тут я начал читать запоем книги по социологии, политологии и социальной психологии. Итак, «железный занавес» для меня рухнул задолго до перестройки. На старших курсах я учился в спецхране несопоставимо больше, чем в университетских аудиториях. Насколько такой интеллектуальный путь был типичен для становления социологов моего поколения? Трудно сказать. Но с моего курса, насчитывавшего более 70 человек, регулярно пользовался услугами спецхрана только я. Сказать, что были большие проблемы с допуском к «антисоветской» литературе, я не могу. Достаточно было придумать подходящую тему, написать заявление, заверив его у научного руководителя и в деканате. С тех пор у меня сложилось впечатление, что слухи о закрытости советского общества были несколько преувеличены.

Итогом самообразования стал весьма хаотический набор социологических идей и представлений. Главным же формальным результатом моих штудий в таинственных библиотечных уголках стала дипломная работа «Структура леворадикального сознания студенческого движения США в 1968—1970 гг.». На защите мне сказали, что это исследование имеет смутное отношение к истории, но эту критику я уже рассматривал как комплимент.

Если отвлечься от деталей моей биографии, то такое бессистемное социологическое самообразование было характерно для многих провинциальных социологов моего поколения. В это время интеллектуальная «оттепель» прошла. Социологи-шестидесятники (А.Г. Здравомыслов, И.С. Кон, О.И. Шкаратан,

В.Я. Ядов и др.) были оттеснены на маргинальные позиции или в смежные дисциплины. Верх взял тезис о том, что марксистско-ленинской социологией является научный коммунизм. Поэтому получение нормального социологического образования стало фактически невозможным. Образовалась профессиональная поколенческая дыра, совершенно очевидная с высоты нашего времени. Следующее поколение проходило профессиональную социализацию в период перестройки или постсоветские годы в гораздо более благоприятных условиях. Появились возможности обучения на социологических факультетах. Однако основная масса сыктывкарцев, которые получили ту или иную социологическую подготовку, учились в аспирантуре московских и питерских вузов и на разного рода краткосрочных курсах. Однако главной формой профессиональной подготовки стало участие в международных проектах.

Сыктывкарский ландшафт эпохи развитого социализма

Когда в 1975 г. я после окончания исторического факультета Ленинградского университета появился впервые в Сыктывкаре, столице Коми АССР, слово «социология» там было звуком, обозначающим несуществующую реальность. Само слово было знакомо, но за ним в жизни города и региона ничего не стояло.

Гораздо позже я узнал, что из этих мест вышел сам Питирим Сорокин. Он здесь родился, получил базовое образование, а затем уехал в Питер делать свою судьбу. Кое-какие его работы на английском языке мне попадались в ленинградских спецхранах. Одна книга запомнилась тем, что на ней была дарственная надпись самого П. Сорокина, выполненная в соответствии с орфографией, действовавшей до 1918 г. Но Сорокин и Республика Коми в моей голове никоим образом не ассоциировались. Несмотря на то что местная власть по крупницам собирала все мало-мальски заметные символические ресурсы региона, о самом знаменитом уроженце этой земли предпочитали не вспоминать, как будто стесняясь порочащих связей с «буржуазным социологом».

Правда, в местной библиотеке я обнаружил следы советской социологии. Раньше при Коми обкоме партии существовало подразделение, занимавшееся социологическими исследованиями. Главной (не номинально, но реально) фигурой в нем был С.С. Андреев, который активно занимался в республике поиском ростков коммунистического самоуправления и демократии, опираясь на методы эмпирического социологического исследования. Это, видимо, была романтическая попытка изучать общественный проект, уже вышедший в столице из моды после ухода в отставку Н.С. Хрущева (1964). Результаты исследований были включены в фундаментальную монографию С. Андреева, опубликованную в 1973 г. в Сыктывкаре. В подтексте его теоретических размышлений чувствовался большой интерес к югославской модели самоуправления. Опыт Андреева был подтверждением где-то услышанного мною не очень убедительного тезиса: смелость ученого прямо пропорциональна его удаленности от Москвы.

Потом Андреев уехал в Москву, а с ним — и местная социология. Правда, остались некоторые соавторы. Но если нет автора, то приставку «со» не к кому приставить. Местная социология уехала вместе с человеком, который придумал

Социологическая одиссея в Сыктывкаре: очень субъективные заметки

ее здесь развивать. Это характерная модель развития провинциальной социологии, которая в силу острого дефицита кадров носит очень индивидуализированный характер. Личное и социальное переплетаются неразрывно. И лишь формирование устойчивых научных школ (первый признак столичности) обеспечивает деиндивидуализацию: основоположники уходят, а созданная ими структура продолжает существовать (классический пример — новосибирская социология).

Но Сыктывкар — это место, находящееся в неблагоприятных географических условиях для создания каких-либо научных школ. Они предполагают ориентации исследователей на оседлый образ жизни. Однако советские северные города привлекали только кочевников — людей, которые приезжали сюда заложить основы своей научной биографии, получить первую степень и при первой же возможности уехать поближе к цивилизации. В результате складывался специфический интеллектуальный климат. Советский Сыктывкар, как и большинство северных городов, был в существенной мере лишен провинциальной затхлости. Сюда постоянно приезжали выпускники московских и ленинградских вузов и, не успев врасти в местную почву, уезжали, освобождая вакансии для нового пополнения. Провинциализация Сыктывкара началась в постсоветский период, когда была отменена система принудительного распределения выпускников, Север утратил былую привлекательность стартовой площадки, и подготовка научных кадров начала осуществляться в замкнутом цикле: местные школьники идут в местный университет, закончив его, остаются в местной аспирантуре, а затем продолжают карьеру в местных вузах или научных учреждениях.

Через несколько лет обком партии попытался восстановить едва начавшуюся местную социологию: при Коми научном центре Академии наук был создан сектор социологических исследований, обслуживавший в основном потребности партийных органов в изучении эффективности политико-массовой работы. Получаемые результаты были, видимо, настолько секретны, что даже в партийном архиве мне не удалось найти их следы. И здесь встает вопрос отнюдь не краеведческого масштаба: может ли наука быть служебной? Мне кажется, что социология в этом качестве неизбежно теряет научный статус, превращаясь в форму сбора бюрократической информации. Здесь действует особая логика: аппарат формирует довольно детальный заказ, он контролирует и обеспечивает процесс сбора информации, ее использование. Все это противоречит логике функционирования науки как социального института. Но и эта партийная социология быстро угасла с отъездом из города руководителя сектора. Снова индивидуалистическая модель в действии.

Меня в те годы очень интересовала социология, но я даже не думал о реализации этого интереса. Эта наука рассматривалась как оружие партии, поэтому всякая работа в данной области жестко курировалась отделами агитации и пропаганды региональных комитетов, где оседали аппаратчики-идеологи, люди простые и бесполезные как большевистская правда (о ЦК КПСС не берусь судить). Я косвенно сталкивался с некоторыми из них и был буквально шокирован открывшимся мне интеллектуальным кругозором. Перспектива согласования с этими людьми исследовательских программ и инструментария ужасала. Я пытался заикнуться о возможности эмпирического исследования студентов, но люди, хорошо знающие местную кухню, объяснили, что потенциальная информация настолько секретна, что проведение подобной работы надо согласовывать даже

не с парткомом, а с КГБ. Перспектива иметь такое количество таких учителей делала для меня нелепой любую мысль о реализации своего интереса.

Приехав в Сыктывкар по распределению, я имел простой выбор: преподавать зарубежную историю или историю КПСС. Первый вариант мне показался смешным: изучать Запад исключительно по советским публикациям? И тогда я сделал другой шаг, гораздо более глупый: я пошел работать на кафедру истории КПСС. К тому времени я уже был довольно убежденный левак в духе Г. Маркузе (мой любимый автор студенческих лет), проштудировавший довольно большое количество советологической литературы. Работа на кафедре истории КПСС, как мне казалось, открывала доступ к партархивам, где я надеялся найти ключи к пониманию советской системы. Но вскоре оказалось, что без партбилета все покрыто занавесом с грифом «секретно». И я вступил в КПСС, что открыло мне и партийные архивы, и путь в аспирантуру, правда, по истории партии. Пробившись в архивы, я понял, что вся партийная тайна состоит в отсутствии тайны. Коробочка оказалась пустой! Символом этой таинственной пустоты для меня стали куцые протоколы комитета комсомола нашего университета: по верхней кромке папки красовался строгий гриф «секретно», а саму папку украшали круги — отпечатки стаканов с дешевым крепленным вином.

Надежды сохранять духовную самостоятельность в рядах историков партии оправдывались лишь в очень урезанной форме. С одной стороны, я так и не научился принимать всерьез так называемую историко-партийную науку. С другой стороны, сил на параллельные искания было крайне мало. В аспирантуре ЛГУ мой научный руководитель, писавший в огромном количестве книги и статьи о ведущей роли рабочего класса в советском обществе, на все мои попытки найти серьезную нишу сформулировал мудрый тезис: «Сначала защити диссертацию, а потом уже занимайся наукой». И я провел минимум два года в спецхранах разных библиотек, буквально глотая англо-американскую литературу по истории и теории советского общества. Билеты были дешевые, поэтому можно было регулярно выезжать в Питер или Москву в научные командировки. В голове вызревал план послать подальше диссертацию и не тратить время на пародирование научной работы. Но однажды в спецхране публичной библиотеки я нашел книгу Дж. Хафа «Советские префекты». Он писал о том, что меня тогда сильно волновало и что меня и толкнуло в дурдом «историко-партийной науки»: о механизме функционирования партийных органов на уровне регионов и предприятий. Так созрела тема кандидатской диссертации, ее методология и методика. Я решил проверить его схему в эмпирическом исследовании архивных материалов первичных партийных организаций Коми АССР. Главный исследовательский вопрос был сформулирован примерно так: в чем состоит менеджерский смысл существования партийных организаций на предприятиях? Я перерыл горы протоколов и стенограмм, проводил их контент-анализ, пытаясь увидеть механизм разделения функций партийных, хозяйственных и профсоюзных органов.

Все мои выписки тщательно просматривал директор архива обкома КПСС. Как-то он меня вызвал к себе и отеческим тоном сказал: «Зачем вы выписываете негативный материал? Кому он интересен? Вы же никогда его не сможете опубликовать». От этих слов становилось жутко: если он прав, то жизнь пустую. Я сократил выписки «негативного материала» в контролируемую тетрадку, а

Социологическая одиссея в Сыктывкаре: очень субъективные заметки

наиболее крамольные факты выписывал на маленький листочек бумаги, который прятал под рубашкой. К счастью, директор партархива оказался плохим провидцем. В годы перестройки он сам уже активно собирал материал по сталинским репрессиям.

Тема оказалась для меня интересной, но результаты надо было выдавать на языке истории партии. На кафедре истории партии ЛГУ мою тему перевели на язык своей науки: «Деятельность КПСС по вовлечению трудящихся в управление производством».

Сейчас большинство людей, защитивших диссертации по истории КПСС, стараются об этом не вспоминать и тщательно уходят от вопроса о теме диссертации. Я тоже не в восторге от формулировки темы, которую мне навязал научный руководитель: она была сугубо в духе времени и вне его контекста воспринимается довольно странно. Однако если бы я сейчас писал кандидатскую диссертацию, то, видимо, делал бы это примерно в том же русле, но добавив, помимо архивных изысканий, серьезное полевое исследование жизни предприятий. Совершенно неожиданно для себя я вернулся к этой же тематике уже в 1990-х годах, работая в целой серии проектов с моими британскими коллегами.

Образцом историко-партийной научной работы был мой научный руководитель, автор большого количества публикаций о ведущей роли советского рабочего класса. Он умудрялся все это писать, не заходя ни на одно предприятие и не встречаясь ни с одним рабочим. При одной мысли, что я буду писать так же звонко и пусто, как он, на меня накатывала депрессия. Как я втиснулся в стилистику истории партии — не пойму до сих пор. Защитил кандидатскую диссертацию. На этом официальная научная работа почти закончилась. Перевод моих мыслей на язык истории КПСС требовал от меня качеств, которых у меня явно не доставало. Подпольная же наука в провинции — это проект, требующий таких духовных сил и самодостаточности, которые у меня явно отсутствовали.

Определенную отдушину мне показал Ю.Д. Марголис — ленинградский историк, попавший в глубокую опалу за то, что дал кому-то из студентов какую-то «опасную» книгу (кажется М. Джиласа). Его сначала отправили с исторического факультета ЛГУ в эмпирическую социологию, а потом — на трудовое перевоспитание в Сыктывкар (правда, с повышением — в качестве заведующего кафедрой). Это был виртуоз советской эпохи, великолепно сочетавший духовную независимость в приватной сфере и умение играть по партийным правилам в сфере публичной. Он мог выступить с зажигательной идейной речью, но при этом любой внимательный человек мог видеть буквально кричащий подтекст: «Ребята, не принимайте эту туфту всерьез!», но доказать обоснованность своих впечатлений было просто невозможно. На все попытки рассуждать при нем о существенных «недостатках» нашего общества он отвечал в частном порядке мудро и лаконично, переходя на полупшепот: «За что боролись, на то и напоролись!». Ю.Д. Марголис принес в духоту Сыктывкарского университета тему образа жизни, правда, заниматься его эмпирическим изучением так и не решился. Мне тогда показалось, что тут можно найти компромисс между наукой и партийным контролем, но я быстро обжегся. Правда, интерес, посеянный в те годы, вдруг стал прорастать у меня в настоящее время, когда категория «образ жизни» многим кажется очень старомодной.

Я написал статью о роли первичных партийных организаций в формировании социалистического образа жизни трудовых коллективов. За основу взял

контент-анализ партийных документов, пытаюсь выявить нормативные функции парткомов. И вдруг меня срочно вызывают в госкомитет по охране государственных тайн (!) в Перми (там курировали издание научных работ сыктывкарцев). В недоумении лечу на Урал, спешу к цензору. Ощущение будто побывал с экскурсией в дурдоме. Человек, на лице которого отпечаталась озабоченность безопасностью родины, мне объяснил, что пермские социологи отрецензировали мою статью и пришли к выводу, что контент-анализ документов ЦК КПСС — совершенно недопустимый и ненаучный метод. «Каждый такой документ уникален, а вы к нему относитесь как к массовому источнику! Вы понимаете, что вы делаете?» Я не понимал, но на компромисс пошел: полстатьи вырезали, оставив общие фразы без эмпирического анализа. Попутно мне показали промахи ряда других авторов того же сборника. Запомнилось такое замечание: «Вячеславов пишет, что в 1920—1930-х годах в регионе были обнаружены большие запасы нефти. Разве можно обнаруживать такие факты?» Я посоветовал выбросить слово «большие», открывавшее потенциальному противнику святые секреты родины. На том и разошлись. Но после этого я понял, что реальным образом жизни заниматься мне не дадут и придется писать звонкие статьи о «совершенствовании социалистического образа жизни», пережевывая цитаты классиков и партийных постановлений. В этом контексте мысли о научной работе казались бредовой фантазией. Я был обречен на интеллектуальную деградацию. Она уже шла, и я уже не мог ее не замечать. К счастью, работа не требовала от меня много говорить то, что я не думал, так как читать лекции мне почти не давали, а на семинарах можно было уходить от чрезмерного выкручивания души, ограничиваясь проверкой памяти студентов. Отдушиной были только регулярные командировки в Ленинград, где я с утра до вечера просиживал в спецхране, читал «ненаших» авторов.

Перестройка разрушила великую империю, но спасла меня. Впервые начали появляться возможности говорить о многом из того, что бродило в голове. Я написал статью о месте партийного аппарата в советской системе управления, но кафедра не дала рекомендации, так как текст не вписывался в умиравшую, но еще живую идеологию: текст был написан в духе совершенно беспристрастного анализа и без использования традиционного понятийного аппарата. Я понял: это тупик! И тут мой приятель, заведовавший кафедрой философии и научного коммунизма, предложил плюнуть на все и перейти к нему: «Бери курс научного коммунизма и читай, что хочешь!» В Кремле уже сидел М. Горбачев и такие слова звучали пусть и крамольно, но не очень опасно. Я ухватился за эту идею, решив, что есть шанс интерпретировать научный коммунизм как социологию социализма и, таким образом, читать курс на нормальном научном языке. Меня отправили в 1986 г. на факультет повышения квалификации ЛГУ. Здесь я понял, что научный коммунизм еще научнее, чем история КПСС. Семестровые курсы по теории развитого социализма и предмету научного коммунизма интеллектуально просто убивали. Спасали спецхраны библиотек, где я чувствовал себя как металлург, выехавший на горный курорт.

Вернувшись в Сыктывкар, я, конечно, не мог читать научный коммунизм так, как нас учили на факультете повышения квалификации ЛГУ. Выйти к студентам с идеологическим маразмом было выше моих сил. И я начал читать социологию, втискивая ее в рамки тем научного коммунизма («Социальная

Социологическая одиссея в Сыктывкаре: очень субъективные заметки

структура», «Семья и брак», «Социальное управление» и т. д.). А в 1987 г. декан исторического факультета В.Н. Худяев «в порядке эксперимента» мне и моему приятелю В.И. Грузнову разрешил взять часы, отводившиеся под истмат и научный коммунизм, и вместо них читать на историческом факультете годовой курс «марксистско-ленинской социологии». По тем временам это был неординарный шаг. Мы, как могли, самостоятельно формировали программу курса, сочетая социологическую теорию с методикой эмпирических исследований. Этот же сокращенный курс, но под названием «Научный коммунизм» я читал и на экономическом факультете. Изучение социологической теории активно переплеталось с освоением количественных методов эмпирических исследований, студенты вместо экзамена писали социологические очерки о своей повседневной жизни, о социальных проблемах, проводя простейшие опросы и наблюдения. Так в моей жизни появился неожиданный просвет. Самые большие и заполненные аудитории я собирал именно в то время на курс научного коммунизма на экономическом факультете.

Смутное время

В конце 1980-х годов началось кооперативное движение. Я с приятелями-коллегами (В. Грузнов, В. Козловский и др.) не мог не влиться в него: мы организовали кооператив социальных исследований «Диалог». Начали с изучения читательской аудитории местной газеты в приполярном городе Печора в 1988 г. Затем начали кейс-стади на автотранспортном предприятии. Я тогда не подозревал, что это исследование растянется до середины 1990-х годов. (В 1996 г. по его итогам было опубликовано три большие статьи в Великобритании.) Короткий всплеск активности кооператива пришелся на 1989—1990 гг. Мы активно занялись изучением электорального поведения жителей Сыктывкара: проводили включенное наблюдение работы команд разных кандидатов, предвыборных митингов, вели опросы избирателей на выходе с участков и т. д. В Усинске — небольшом городке нефтяников — пробовали изучать связь социальной структуры и общественного мнения. Потом эту же тему изучали в ходе массового опроса в Сыктывкаре (вместе с Ю. Поповой). В фокусе был вопрос о специфике социального статуса и взглядов работников аппарата управления. Столкновение с практикой эмпирических исследований поставило столько теоретических и методических вопросов, что дилетантизм начал переживаться как довольно мучительное состояние.

В 300 метрах от нас в обкоме КПСС действовало социологическое подразделение, воссозданное в годы перестройки. Мы были близко в физическом пространстве, но бесконечно далеки в пространстве социальном, поэтому о том, чем занимались партийные социологи, я мог только догадываться. Поэтому эта часть истории местной социологии выпадает за границы моей компетенции.

И тут совершенно случайно в 1990 г. подвернулась возможность поехать на полугодовые социологические курсы в Москву при Институте молодежи. Их организовала Н. Наталушко — замечательная женщина, отличавшаяся потрясающей энергией и способностью зажигать своим порывом других людей. Я не думаю, что кому-то вплоть до наших дней удалось организовать столь же

лаконичное, но качественное социологическое образование. На этих курсах читали лекции З. Бауман, М. Кастельс, Э. Гидденс (последнего я, правда, не застал), О. Шкаратан, В. Ядов, А. Гофман, Ю. Давыдов, Л. Ионин и другие. В программе курсов тесно переплеталась отечественная и мировая социология. Это было для меня первым дуновением ветра интеллектуальной глобализации.

Двое членов нашего кооператива прошли эти курсы. Собственно там я и стал социологом. На этих курсах я написал дипломную работу «Социальная стратификация», которая в начале 1991 г. была издана как книга. Написать — это лишь полдела, но поверить, что это что-то стоящее и преодолеть провинциальный комплекс (внутренний барьер, который страшнее цензуры), я не смог бы без посторонней помощи. И она пришла в форме моральной поддержки со стороны В.А. Ядова и особенно О.И. Шкаратана.

В это же время (1990—1991 гг.) у нас созрела достаточно сумасшедшая мысль о начале выпуска своего периодического издания. Друзья-коллеги из поля сыктывкарской социологии в той или иной форме исчезли: кто ушел в бизнес, кто уехал. Идея превратилась в семейный проект, который потянули я и моя жена М. Ильина, инвестируя в него огромный объем неоплачиваемой работы самого разнообразного вида: переводы, переписка с авторами, переговоры с типографией, магазинами, рассылка и т. д. Разумеется, для издания этих усилий недостаточно. И тут появился мелкий предприниматель А.С. Куш, который предложил оказать финансовую помощь в издании первого выпуска альманаха, названного «Рубеж: альманах социальных исследований». Зачем это ему было надо — не пойму до сих пор. Список учредителей включал семью Ильиных, фирму А. Куша и Сыктывкарский университет (вначале это был совершенно номинальный участник). Такими силами в 1991 г. был издан первый выпуск, который распространялся не только в России, но и в Белоруссии, на Украине, в Казахстане, Молдавии.

В дальнейшем университет взял на себя типографские расходы и стал единственным издателем. В. Игрунов подал идею заявки в фонд «Культурная инициатива» (Фонд Сороса). К нашему великому удивлению мы выиграли, получив издательской техники на 6000 долларов. Это стало материальной базой альманаха. Так ветры глобализации достигли Сыктывкара.

Важную роль в становлении альманаха сыграл М. Буравой, профессор Калифорнийского университета (Беркли), который поддержал наш сумасшедший проект и словом и делом (написал статью по истории американской социологии, ориентированную на советского читателя). В названии издания были заложены разные смыслы: рубеж эпох, западной и российской социальной науки, разных обществоведческих дисциплин, провинции и столицы.

В альманахе как-то случайно пошла линия П. Сорокина: мы публиковали его старые русские работы, делали переводы с американских изданий. Это никак не было связано с тем, что Республика Коми — родина этого выдающегося социолога. Я убежден, что наука не знает отечества, поэтому интерес издателей «Рубежа» к Сорокину ни в коей мере не объясним тем, что мы работали в Сыктывкаре. Вспоминая то время, я прихожу к выводу, что очень поддерживал эту инициативу питерский социолог И. Голосенко — крупнейший специалист по истории отечественной социологии, принимавший активное участие в работе «Рубежа».

Социологическая одиссея в Сыктывкаре: очень субъективные заметки

Однако в целом тот факт, что П. Сорокин уроженец Коми земли, стимулировал интерес к нему в регионе людей, далеких от социологии, но обладавших энергией, властью и деньгами. П. Сорокин превратился в региональный символический ресурс. Благодаря этому в Сыктывкаре была издана его биографическая книга, а также книга И. Голосенко о нем, проводились посвященные ему конференции, появились люди, изучающие его жизнь и научную деятельность.

Альманах сразу задумывался как издание, стремящееся преодолеть провинциализм — бич отечественного обществоведения. В него начали привлекать заметных социологов из разных стран и регионов. И никто из приглашенных не отказывался. В первых же его номерах были публикации статей весьма известных авторов из США и Великобритании. С теоретической точки зрения «Рубеж» интересен как попытка интеграции провинциальной науки в глобальные процессы. Я помню спор 1991 г. с О.И. Шкаратаном, который был убежден в невозможности социологии за пределами Москвы. Я же полагал, что традиции советского обществоведения, оплотом которого всегда была столица, — это в новых условиях скорее бремя, чем преимущество. Альманах просуществовал 10 лет и прекратил свое существование (2001 г.) без всяких веских внешних причин. Он вовремя родился, но не менее важно вовремя умереть. Это было осознанное и добровольное харакири на пике успеха. Зачем? Ответ прост и ненаучен: мне просто надоело это хлопотное, неблагодарное и дорогое для семейного бюджета дело. Формально «Рубеж» остался в Сыктывкарском университете, но формального права недостаточно для рождения даже одного выпуска.

В это же время появился еще один столь же авантюрный, сколь и легкомысленный, проект издания массовым тиражом труда П. Сорокина «Система социологии». Я предложил идею, а начинающий бизнесмен С.Ф. Езимов достал под нее материальные ресурсы — деньги и бумагу. Советский Союз агонизировал в эйфории демократии и гласности, а народ зачитывался еще недавно запретными текстами. Я хотел ввести в массовый научный оборот самое фундаментальное русскоязычное произведение Сорокина, а С.Ф. Езимов — поймать шанс выгодной конъюнктуры. Запланировали издать тираж в 20 тыс. экземпляров в мягкой обложке и по низкой цене завершить его в первой половине 1991 г. Убегая от инфляции и транспортных расходов, поставили типографии бумагу на весь тираж вперед, оплатив бумагой и полиграфические услуги. В соответствии с духом времени нас просто кинули: в срок вышла лишь первая часть из запланированных четырех. Сбывать ее отдельно было бессмысленно. Наступившее смутное время к 1992 г. сделало проект бессмысленным: рухнул вместе с СССР советский рынок книжной продукции, прошел книжный бум, проблема элементарного физического выживания овладела умами нашей целевой группы — интеллигенции. Взлет цен на почтовые и транспортные услуги на корню убил идею распространения книги по почте. В конечном счете проект был реализован в полном виде лишь к 1998 г. с большими убытками. Мне до сих пор очень стыдно за эту неудачу и перед своим спонсором С.Ф. Езимовым и перед читателями, которые не смогли получить обещанное издание. Можно, конечно, развести руками и сказать: «Это не я. Это время кинуло нас». Но я был звеном в этой цепной реакции и, следовательно, несу ответственность. Правда, неудачный сорокинский проект привел меня к двум важным выводам: 1) бесперспективно заниматься серьезной издательской деятельностью в провинции, 2) не стоит впрягаться в одну телегу науку и бизнес.

Становление социологии в Сыктывкаре трудно представить без фигуры М. Буравого, решившегося проводить эмпирическое исследование в далеком северном городе. Он появился у нас в 1991 г. и в дальнейшем почти 10 лет ежегодно приезжал в Сыктывкар и Воркуту для исследования. Для меня и моих коллег он как великолепный теоретик-марксист и мастер полевого исследования стал образцом настоящего социолога. М. Буравой начал свою работу в Коми ССР, устроившись рабочим на мебельную фабрику, где проработал три месяца, проводя параллельно развернутое кейс-стади. В дальнейшем он делал кейс-стади в банке, занимался реструктуризацией угольной промышленности, жилищными проблемами, поведением семей рабочих. Его проводником в регионе стал П. Кротов, тогда начинающий социолог Коми научного центра, а в дальнейшем — заведующий сектором экономической социологии. Когда П. Кротов переехал в США, новый этап исследования М. Буравой проводил с Т. Лыткиной. Вокруг него сформировался небольшой круг социологов, которые с близкого расстояния могли наблюдать за работой этого оригинального человека и исследователя. Я не участвовал в его исследованиях, но мне трудно представить свою профессиональную социализацию без регулярных бесед с ним на самые разные темы и социологической, и общественной, и частной жизни. Почему человек из цветущей Калифорнии каждый отпуск стремится провести в холодном и глухом регионе России, могли понять не многие и на Западе, и в России. Страдающие от нехватки шпионов местные контрразведчики увидели в нем отличный объект для разработки. Закипела работа. Все, кто сотрудничал с М. Буравым, прошли через «доброжелательные» беседы с работниками спецслужбы, профилактические беседы были, видимо, проведены и с руководством Коми научного центра. В результате его исследование стало более чем проблематичным, возникли серьезные трудности с получением российской визы. Безопасность России была спасена, хотя и ценой подмоченной репутации державы.

Едва зародившаяся сыктывкарская социология оказалась и под сильным влиянием неомарксистской социологии Великобритании. В 1991 г. я, сняв со сберкнижки все сбережения, за свой счет съездил в командировку в Уорвикский университет, где и познакомился с С. Кларком, который в то время был известным специалистом в области политэкономии капитализма. Поездки в Россию сформировали в нем интерес к нашей странной стране и желание заняться эмпирическими исследованиями трудовых отношений на российских предприятиях. С. Кларк организовал проект по изучению реструктуризации менеджмента и трудовых отношений в России. В работу были вовлечены социологи Сыктывкара, Москвы, Кемерово и Самары, где сформировались региональные группы. Я вовлек в проект сначала П. Кротова, затем — С. Ярошенко и М. Ильину. Исследование опиралось на стратегию кейс-стади. В дальнейшем был организован Институт сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО), где С. Кларк стал директором по науке. Один из первых его филиалов был создан в Сыктывкаре. Первым руководителем был В. Ильин, затем — С. Ярошенко. Здесь на территории Сыктывкара пересеклись пути двух самых крупных западных исследователей трудовых отношений постсоветской России — М. Буравого и С. Кларка. Институт систематически проводил и проводит по сей день всероссийские исследования трудовых отношений, менеджмента и рынка труда. Результаты исследований публикуются и в России, и в Великобритании.

Социологическая одиссея в Сыктывкаре: очень субъективные заметки

Привлекательность региону обеспечивало наличие в нем одного из главных центров рабочего движения России — Воркуты. В течение ряда лет в рамках российско-британского проекта по изучению реструктуризации угольной промышленности я вел участок по шахтерскому движению в этом регионе. Итогом стала монография «Власть и уголь». В рамках ИСИТО под руководством преподавательницы Лондонской школы экономики С. Эшвин, ученицы С. Кларка, проводилось лонгитюдное исследование поведения бедных семей на рынке труда. По его итогам к публикации в Великобритании подготовлена коллективная монография.

Длительное время Республика Коми была привлекательным регионом для проведения исследований на предприятиях как отечественными, так и зарубежными социологами. По рекомендации М. Буравого и С. Кларка сюда неоднократно приезжали американские и английские аспиранты, молодые исследователи с Запада узнавали о Сыктывкаре из публикаций и прилетали сюда по собственной инициативе. Как-то М. Буравой в шутку сказал, что Сыктывкар — самый исследованный город мира. Однако постепенно ситуация коренным образом изменилась: менеджмент предприятий стал стремиться не допускать утечки информации о реальном положении дел, поэтому социологи превратились в нежелательных гостей. Одновременно возросла подозрительность властей к научным связям с Западом: традиционный рефлекс шпиономании дает о себе знать в множестве деталей. Все это ставит под угрозу существование уже сложившегося направления научных исследований.

То параллельно, то переплетаясь с индустриальной социологией, в Сыктывкаре с начала 1990-х годов развиваются исследования феномена бедности. Они проводятся сектором экономической социологии Коми научного центра РАН (руководитель С. Ярошенко). По итогам этих исследований подготовлена монография.

В 2001 г. я и М. Ильина, участник всех проектов ИСИТО и заведующая редакцией альманаха «Рубеж», переехали в Санкт-Петербург. Социологическая лаборатория Сыктывкарского университета (она же филиал ИСИТО) перестала существовать, как и альманах «Рубеж». Собственно академическая социология оказалась сконцентрированной в небольшом секторе экономической социологии, возглавляемом С. Ярошенко.

История социологии в Сыктывкаре — одно из проявлений феномена глобализации, порождающего наднациональные научные сети. У социологов Сыктывкара сложились тесные и прочные отношения с коллегами и научными институтами (университетами и фондами) Великобритании, США и Германии. Без этих связей возникновение и поддержание небольшого социологического сообщества было бы просто невозможно, поскольку отечественное финансирование научных и образовательных проектов носило и носит почти символический характер. Только благодаря этим связям членам этого сообщества удавалось систематически проходить стажировки в западных университетах, работать там, проводить исследования на Западе, преподавать там, получать доступ к современной литературе, участвовать в международных конференциях и т. д. Иначе говоря, сыктывкарская социология — прямой продукт глобализации.

Соответственно сложилась и конфигурация социальных сетей. На протяжении целого десятилетия отношения сыктывкарских социологов были гораздо

интенсивнее и содержательнее с зарубежными коллегами, чем с социологами Москвы или Санкт-Петербурга. Обычно они ехали за рубеж, используя Москву лишь как место пересадки с самолета в самолет. Время от времени от столичных коллег поступали предложения о сотрудничестве, но они сводились к технической работе по организации поля, проведению опросов по чужим методикам и т. д. Как правило, такой вариант сотрудничества энтузиазма не вызывал.

Помимо маленькой группы социологов-исследователей, в регионе появились преподаватели социологии. Поскольку в централизованном порядке было введено преподавание социологии в вузах, то возникли соответствующие кафедры и рабочие места. Их заполняли те, кто хотел или вынужден был преподавать социологию. При этом в силу разных причин социологов-исследователей среди них почти не было. Преподавание же ведут люди, как правило, не имеющие социологического образования и не участвующие в исследованиях. Это типичная проблема отечественной социологии, которая захватила территорию, существенно превышающую возможности ее кадрового потенциала. И результат предсказуем: авторитет дисциплины падает, факультеты все чаще отказываются от социологии, отдавая предпочтение другим дисциплинам, преподаваемым более квалифицированными специалистами.

Идея ректората Сыктывкарского университета открыть специальность «Социология» ни к чему не привела, поскольку желающих заняться организационной работой среди социологов не нашлось. Поэтому воспроизводства и расширения профессионального сообщества не происходит. Одновременно идет отток специалистов в более перспективные центры. В результате перспектива сохранения центра социологических исследований в Сыктывкаре в настоящий момент зависит от жизненных планов лишь одного человека — заведующего сектором экономической социологии Коми филиала РАН. Если она последует по уже накатанной тропе в Санкт-Петербург, то ситуация в городской социологии возвращается к состоянию начала перестройки. Это еще один пример процесса индивидуализации в провинциальной социологии.

В своих заметках я не затрагиваю весь спектр общественной жизни региона, в той или иной мере помеченный словом «социология». В республике есть люди, защитившие диссертации по социологии. Но если участие в научном процессе диагностировать по публикациям, то их существование обнаружить затруднительно даже на таком миниатюрном поле, каковым является региональная социология. Глава республики В. Торлопов — доктор социологических наук, но я не встречал ни одного социолога, который бы смог бы мне объяснить, какое исследование он провел. При всей малочисленности нашего профессионального сообщества я его видел только по телевидению. Есть люди с той или иной социологической подготовкой в органах статистики, информационно-аналитических подразделениях администрации. Но они занимаются обслуживанием процесса управления и заметить их участие в собственно научной жизни очень сложно.

Таким образом, история социологии в Республике Коми — это не тот пример, который достоин подражания. Ее главный урок прост: научное сообщество, лишённое нормального отечественного финансирования и системы воспроизводства кадров, неизбежно имеет эпизодический характер. Почва для нормального воспроизводства социологии в провинции была и остается чрезвычайно

Социологическая одиссея в Сыктывкаре: очень субъективные заметки

зыбкой. История социологии в Сыктывкаре подводит и к другому вопросу: возможна ли российская социология как сугубо столичное явление? Мои сомнения на этот счет граничат с убеждением, что изучать Россию по инструментарию, создаваемому в столице социологами, видящими провинцию лишь в ходе редких краткосрочных командировок, проводящими опросы через специализированные местные фирмы без прямого контакта с жителями соответствующих регионов — совершенно бесперспективный путь. И он лежит в стороне от путей западной социологии. Я встречал в Сыктывкаре социологов из Беркли, Колумбийского, Гарвардского, Уорвикского и Билефельдского университетов, Лондонской школы экономики и других научных центров, но ни одного сколько-нибудь заметного социолога из Москвы или Санкт-Петербурга. Это явные симптомы тупикового столичного пути развития отечественной социологии. Разумеется, можно привести примеры социологических центров Новосибирска, Казани, Екатеринбурга, Ульяновска, Саратова или Самары, показывающих возможности региональной социологии в России. Но если присмотреться внимательно, то мы увидим, какой зыбкой является основа их существования: зависимость от индивидуальных стратегий лидеров-энтузиастов, финансирование со стороны почти исключительно западных фондов, медленно, но уверенно уходящих из России, отсутствие современной научной инфраструктуры (прежде всего, библиотек) и т. д.